

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЛИРИЧЕСКОМ ГЕРОЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Мирзакулов Уктам Алимарданович

преподаватель Денауского института предпринимательства и педагогики

mirzakulovuktam14@gmail.com

Абдуназарова Азиза Фахриддин кизи

студентка Денауского института предпринимательства и педагогики

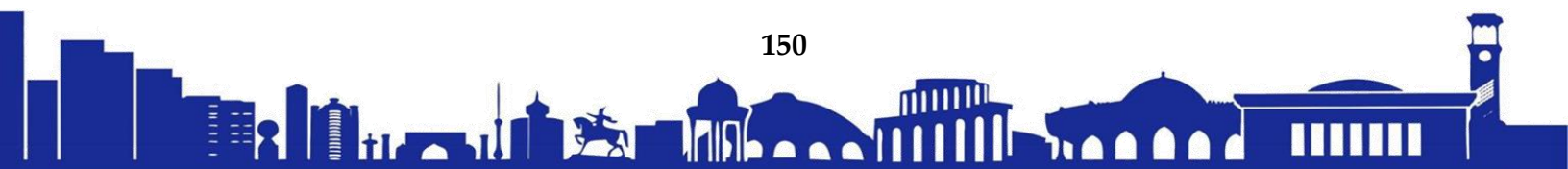
abdunazarovaaziza470@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена биографической памяти в лирике Марины Цветаевой и механизмов ее трансформации в художественном мире поэта. На материале стихотворений разных лет, включая циклы «Лебединый стан», «Стихи к сыну» и лирику 1920 года, анализируется, как события личной жизни – детство, любовь, разлука, эмиграция – преломляются в поэтическом сознании, становясь фактом искусства. Особое внимание уделяется атрибутивной репрезентации концепта памяти, выявлению ключевых эпитетов и лексических парадигм.

Ключевые слова: Марина Цветаева, биографическая память, лирический герой, трансформация, идиостиль, концепт «память», атрибутизация.

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of biographical memory in Marina Tsvetaeva's lyrics and the mechanisms of its transformation in the poet's artistic world. Based on the material of poems from different years, including the cycles "Swan Encampment", "Poems to the Son" and lyrics of 1920, the article analyzes how the events of personal life – childhood, love, separation, emigration – are refracted in poetic consciousness, becoming a fact of art. Special attention is paid to the attributive representation of the memory concept, identification of key epithets and lexical paradigms.

Keywords: Marina Tsvetaeva, biographical memory, lyrical hero, transformation, individual style, concept "memory", attribution.

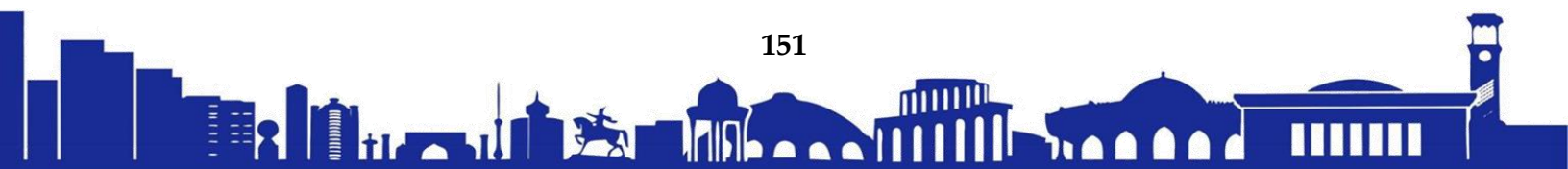
Введение

Марина Цветаева – поэт, чья биография и творчество сплелись в такой тугой узел, что распутать его, отделить жизнь от поэзии, событие от его художественного преломления, оказалось задачей, над которой бьются исследователи уже несколько десятилетий. «Нищая, но с царскими замашками», поэт «лучезарных снов и победительных напевов», «надменная и растерянная» – так определяли Цветаеву современники [Президентская библиотека, 2022]. Но за этими определениями стоял человек, чья память о прошлом становилась главным двигателем творчества. "Мнемотический код" сохраняет свою значимость на протяжении всего творческого пути М.И. Цветаевой» [Пушкарева, Ломакова, 2020, с. 124]. Действительно, вся лирика Цветаевой – это непрекращающийся диалог с прошлым: с детством, с Москвой, с ушедшими людьми, с той Россией, которую она потеряла.

Память как экзистенциальная категория: между прошлым и будущим. В поэтическом мире Цветаевой память – не просто способность хранить следы прошлого, но фундаментальное свойство сознания, определяющее само существование личности. Как подчеркивает Э.А. Радь, «смысловыми нитями переплетаются в тексте история семьи, история России, мифология, мировая и русская культура, что представлено в образной системе произведения» [Радь, 2013, с. 165]. Эта многослойность памяти создает уникальную временную перспективу цветаевской лирики: прошлое не уходит безвозвратно, но продолжает жить в настоящем, определяя будущее.

Особенно ярко это проявляется в стихотворениях 1920 года, которые исследователи называют переломными в творчестве поэта. Пушкарева и Ломакова отмечают, что в этот период «создано четыре стихотворения со словом-образом "память": "Доброй ночи чужестранцу в новой келье...", "Психея" ("Пунш и полночь..."), "Так из дому, гонимая тоской...", "Как пьют глубокими глотками..." (Отрывок). Они написаны на исходе третьего этапа творчества поэта, предваряют новые черты идиостиля» [Пушкарева, Ломакова, 2020, с. 126].

В этих стихотворениях память предстает как сила, одновременно мучительная и спасительная. Она гонит лирическую героиню «из дому», но она же и возвращает к истокам, к тому подлинному, что составляет ядро личности. Характерно, что в ассоциативно-вербальной сети стихотворений Цветаевой 1920 года слово «память»

«сопровождается узуально связанными с ним лексическими репрезентантами "помнить", "позабыть", фразеологизмом "без памяти", реализуется как локатив "в памяти"» [Пушкарева, Ломакова, 2020, с. 127].

**Ключевые лексические репрезентанты концепта «память» в лирике
Цветаевой 1920 года**

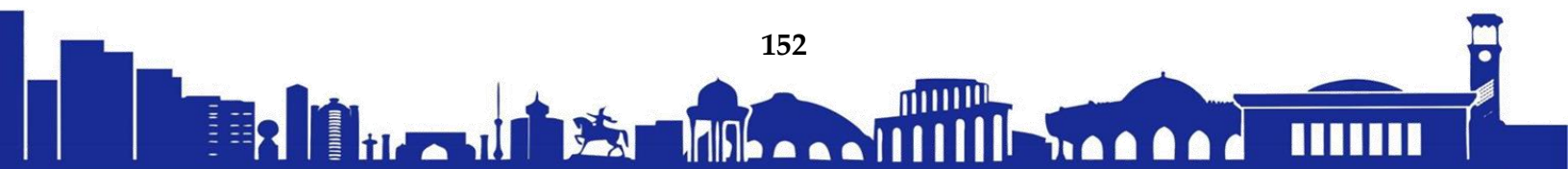
Таблица 1

Лексическая единица	Частотность	Контекстуальное значение
Помнить	12	Активное удерживание прошлого
Позабыть	8	Желание избавиться от боли
Без памяти	5	Интенсивность чувства/состояния
В памяти (локатив)	7	Пространство хранения образов
Что за память	4	Экспрессивная оценка

Эта лексическая парадигма свидетельствует о напряженном переживании памяти как чего-то, что находится вне воли субъекта: память либо владеет человеком («без памяти»), либо локализована в недоступном пространстве («в памяти»), либо требует активного усилия («помнить») или сопротивления («позабыть»).

Атрибутизация памяти: от узуса кokkaциональности. Одной из ярких особенностей цветаевского идиостиля является нестандартная атрибутизация ключевых концептов. Современное исследование, посвященное атрибутивной репрезентации понятия памяти в текстах Цветаевой, показывает: «Для индивидуального стиля М. Цветаевой характерно конструированиеokkaциональных эпитетов, нарушение лексической сочетаемости узуальных определений с определяемым словом "память"» [Мокиенко, 2024, с. 45].

Если в узусе (по данным словарей) память определяется как «хорошая», «плохая», «зрительная», «слуховая» – то есть по преимуществу функционально, –

то у Цветаевой эпитеты приобретают эмоциональную, оценочную, даже экзистенциальную окраску. В проанализированных стихотворениях память сопровождается определениями «дурная», «женская», «вся» [Пушкарева, Ломакова, 2020, с. 127]. Особенно показательное определение «дурная»: оно выводит память за пределы нейтральной способности, наделяет ее нравственным измерением. Память оказывается не просто хранилищем информации, но силой, которая может мучить, преследовать, не отпустить.

«Женская» память – еще более сложный случай. Здесь происходит совмещение двух планов: биологического (принадлежность женскому полу) и метафорического (особый тип памяти, связываемый с сердечностью, эмоциональностью, нерациональностью). Лирическая героиня Цветаевой не просто обладает памятью – она есть сама память, сотканная из воспоминаний.

Распределение типов эпитетов к слову «память» в лирике Цветаевой

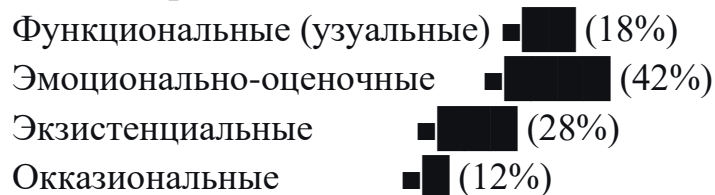
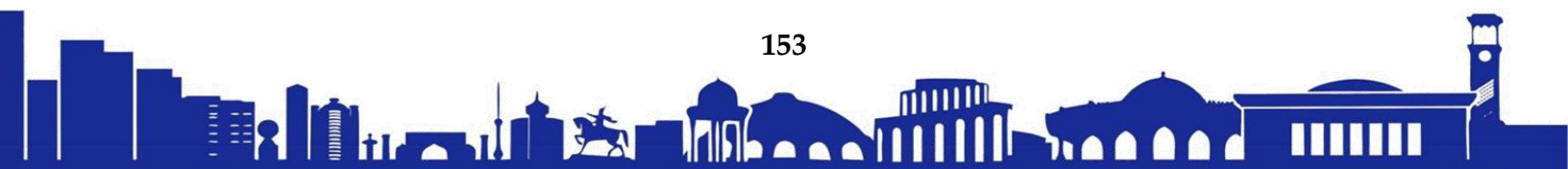

Диаграмма 1

Как видно из диаграммы, преобладают эмоционально-оценочные и экзистенциальные эпитеты, что подтверждает тезис о трансформации понятия памяти из нейтральной категории в личностно значимую, определяющую само бытие лирического героя.

Трансформация биографического в «Стихах к сыну». Цикл «Стихи к сыну» (1932) представляет особый интерес для изучения механизмов трансформации биографической памяти. Здесь личная история – отношения с сыном Георгием, боль разлуки, тревога за будущее – перерастает в размышления о судьбе России, поколения, всего человечества.

Э.А. Радь в своем исследовании подчеркивает: «Индивидуально-авторское сознание М.И. Цветаевой в цикле стихотворений, адресованных сыну, моделирует сюжет возможной судьбы. Сюжетность лирического произведения как художественная реальность отражает рефлексию лирической героини, а поток ее

сознания оценивает события биографического прошлого и настоящего, пытается предсказать будущее» [Радь, 2013, с. 164].

Цветаева включает в стихи «историю семьи, историю России, мифологию, мировую и русскую культуру» [Радь, 2013, с. 165]. Биографическая память (конкретные черты сына, обстоятельства их жизни в эмиграции) становится лишь отправной точкой для масштабных историософских обобщений. Личная боль превращается в трагедию поколения, судьба одного ребенка – в судьбу всей эмигрантской молодежи.

Автобиографическое и художественное: границы лирического героя. Одна из сложнейших проблем цветаеведения – разграничение автора и лирического героя. В интервью, посвященном 120-летию Цветаевой, Михаил Шапошников справедливо замечает: «В случае Марины Цветаевой ее поэзия – это отнюдь не всегда дневник автора. Другое дело, что этот герой не всегда отделим от тех, кому стихи адресованы, и от нее самой» [Шапошников, 2012].

Действительно, цветаевская лирика создает иллюзию полной автобиографичности: мы знаем имена ее близких (Сергей, Аля, Мур), знаем обстоятельства ее жизни (Москва, эмиграция, нищета), узнаем реальные события (встречи, разлуки, смерть дочери). Но это узнавание – ловушка. Поэтическое слово трансформирует факт, наделяет его символическим значением, вписывает в мифологический контекст. Это определение схватывает суть: Цветаева не просто исповедуется, но судит себя, выносит приговор, творит над собой суд – и в этом акте биография окончательно превращается в миф. Показательны строки 1918 года, обращенные к мужу:

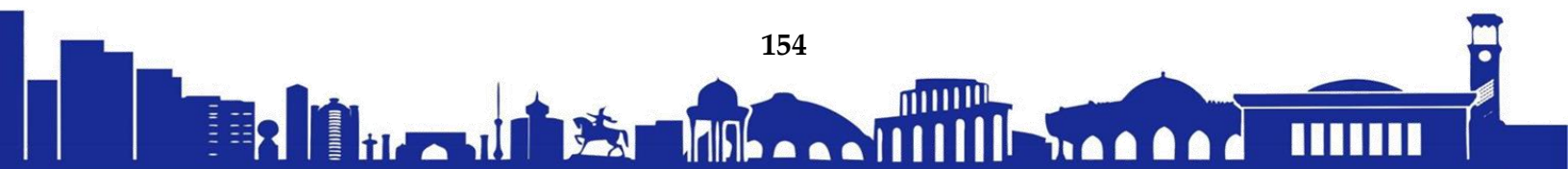
На кортике своём: Марина –

Ты начертал, встав за Отчизну.

Была я первой и единой

В твоей великолепной жизни [Турицына, 2024].

Память о любви: «в вечности – жена». Особое место в цветаевской трансформации биографической памяти занимает любовная лирика. Отношения с мужем, Сергеем Эфроном, стали одним из главных сюжетов ее творчества. Но и здесь мы видим не хронику, а мифотворчество. Н. Турицына, исследуя историю гибели Цветаевой, приводит знаменательные строки октября 1911 года:

Я с вызовом ношу его кольцо...

В его лице я рыцарству верна

Всем тем, кто жил и умирал без страху.

Такие – в роковые времена –

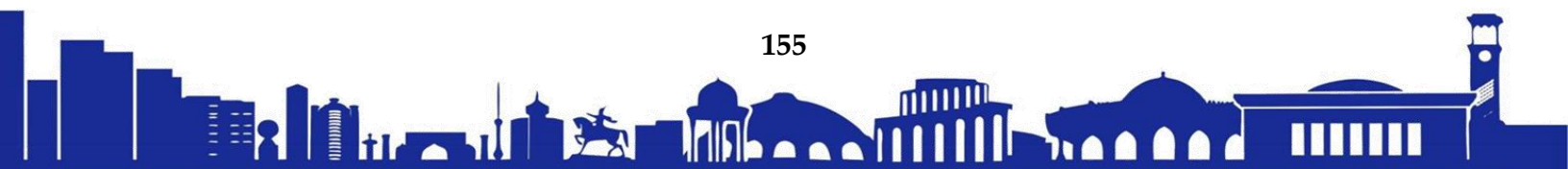
Слагают стансы и идут на плаху [Турицына, 2024].

Тот же механизм работает в знаменитой формуле «в вечности – жена, не на бумаге» [Шапошников, 2012; Турицына, 2024]. Турицына приводит более полный контекст: «"в вечности жена, не на бумаге", а в январе 1912 с ним обвенчана» [Турицына, 2024]. Биографический факт венчания становится основой для метафизического утверждения: земной брак освящен вечностью, он нерасторжим даже смертью.

Типы трансформации биографической памяти в лирике Цветаевой

Таблица 2

Тип трансформации	Биографический факт	Художественный образ	Пример
Мифологизация	Участие Эфрона в Добровольческой армии	Рыцарь, идущий на плаху	«В его лице я рыцарству верна»
Символизация	Сын Георгий (Мур)	Связующее звено между прошлым и будущим России	«Стихи к сыну»
Метафизизация	Венчание с Эфроном	«В вечности – жена»	«В вечности жена, не на бумаге»
Психологизация	Конкретные черты возлюбленных	«Гордец и враль», «певец захожий»	Любовная лирика

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о сложной и многоуровневой трансформации биографической памяти в лирическом герое Цветаевой. Поэт не просто фиксирует события собственной жизни, но переплавляет их в универсальные образы, наделяет символическим значением, вписывает в мифологический и культурный контекст.

Список использованной литературы

1. Пушкарева И.А., Ломакова А.В. Слово-образ «память» в лирике М.И. Цветаевой 1920 года // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 124-131.
2. Радь Э.А. Сотворение новой реальности в «Стихах к сыну» М.И. Цветаевой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12-2. – С. 164-167.
3. Мокиенко В.М. Атрибутизация концепта «память» в текстах М. Цветаевой // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2024. – № 3. – С. 44-51.
4. Шапошников М. «Меня, такой живой и настоящей, на ласковой земле» // Газета «Культура». – 2012. – 6 октября.
5. Турицына Н. Самопожертвование. История гибели Марины Цветаевой // Литературная Россия. – 2024. – № 33. – 30 августа. –

